

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222357-378>

Исследовательская статья

Маммаев Мисрихан Маммаевич
д. иск., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
misrichan37@mail.ru

СВЕТСКИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА XIII–XV ВВ.

Аннотация. В статье описываются изготовленные в XIII–XV вв. в дагестанских селениях Кубачи и Калакорейш различные произведения декоративно-прикладного искусства: каменные архитектурные детали, представляющие собой оконные и дверные тимпаны и некогда украшавшие значимые общественные здания Кубачи (мечети, медресе, здание высшего органа местного самоуправления), литой бронзовый котел XIV в. (Кубачи), резные деревянные двери мечети и каменный надмогильный памятник в виде саркофага (Калакорейш). Основная часть их, за исключением одного тимпана и саркофагообразного надмогильного памятника, хранятся в Национальном музее Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи, Государственном Эрмитаже, Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой, Метрополитен-музее. Рассматриваемые памятники декорированы различными изобразительными сюжетами в сочетании с арабскими надписями (дверной тимпан и бронзовый котел из Кубачи) или их подражаниями – псевдонадписями (тимпан из Кубачи). Перечисленные памятники, как в аспекте их художественного анализа, так и их эпиграфики, изучали в XX–XXI вв. многие ученые (А.С. Башкиров, В.А. Крачковская, И.А. Орбели, А. Сальмони, Е.М. Шиллинг, Э.В. Кильчевская, Л.И. Лавров, Л.Т. Гюзальян, У. Шеррато, А.А. Иванов, П.М. Дебиров, А.Р. Шихсаидов, М.М. Маммаев). Публикация и описания их представлены в различных отечественных и зарубежных изданиях. В данной работе они объединены в группу памятников мусульманского искусства со светскими изобразительными сюжетами. Следует отметить, что в советский период, в годы доминирующего атеизма, их не рассматривали как произведения исламского искусства. В представленной статье они рассматриваются именно как произведения исламского искусства со светскими изобразительными сюжетами.

Ключевые слова: Дагестан, Кубачи, Калакорейш, исламское искусство, светские изобразительные сюжеты

Для цитирования: Маммаев М.М. Светские изобразительные сюжеты исламского искусства Дагестана XIII–XV вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 357-378. doi.org/10.32653/CH222357-378

© Маммаев М.М., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222357-378>

Research paper

Misrikhan M. Mammaev
Dr, Sci., Chief Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mmisrihan@mail.ru

SECULAR FIGURATIVE MOTIFS IN THE ISLAMIC ART OF 13TH–15TH CENTURY DAGESTAN

Abstract. This article discusses various works of decorative and applied art produced during the 13th to 15th centuries in the Dagestani settlements of Kubachi and Kala-Koreysh. These objects include carved stone architectural elements – specifically window and door tympanums that once adorned prominent public buildings in Kubachi (mosques, madrasas, and the municipal assembly building) – as well as a 14th-century cast bronze cauldron from Kubachi, and carved wooden mosque doors alongside a sarcophagus-shaped stone tombstone from Kala-Koreysh. With the exception of one tympanum and the tombstone, the majority of these artifacts are currently held in major collections, including the National Museum of the Republic of Dagestan named after A.A. Takho-Godi, the State Hermitage Museum, the Dagestan Museum of Fine Arts named after P.S. Gamzatova, and the Metropolitan Museum of Art. The monuments under discussion are decorated with various figurative and secular motifs combined either with legible Arabic inscriptions (as seen on a door tympanum and the bronze cauldron from Kubachi) or their imitations, known as pseudo-inscriptions (found on a Kubachi window tympanum). Throughout the 20th and 21st centuries, these objects have been extensively studied from both art-historical and epigraphic perspectives by numerous scholars, including A.S. Bashkurov, V.A. Krachkovskaya, I.A. Orbeli, A. Salmony, E.M. Schilling, E.V. Kilchevskaya, L.I. Lavrov, L.T. Gyuzalyan, U. Scerrato, A.A. Ivanov, P.M. Debirov, A.R. Shikhsaidov, and M.M. Mammaev, with their documentation published across various domestic and international venues. This paper consolidates these works into a distinct group of Islamic art featuring secular figurative imagery. It is worth noting that during the Soviet era, under dominant state atheism, these pieces were excluded from the category of religious art. This study positions them precisely as works of Islamic art that incorporate secular figurative narratives.

Keywords: Dagestan; Kubachi; Kala-Koreysh; Islamic art; secular figurative motifs

For citation: Mammaev M.M. Secular Figurative Motifs in The Islamic Art of 13th–15th Century Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 357-378. doi. [org/10.32653/CH222357-378](https://doi.org/10.32653/CH222357-378)

© Mammaev M.M., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Жители широко известного дагестанского селения Кубачи относительно поздно по сравнению с жителями других населенных пунктов Дагестана приняли ислам. Как известно, датой окончательного принятия ими ислама считается 705 г. хиджры / 1305–1306 гг. Вместе с исламом в Кубачи проникли арабо-мусульманская культура и специфические формы искусства, характерные для стран мусульманского Востока. Это и соответствующая ремесленно-культурная производственная база в Кубачи, выразившаяся в сохранении и обогащении ремесленных навыков и знаний, передававшихся из поколения в поколение, обусловили создание здесь в XIV–XV вв. уже в рамках исламской идеологической составляющей, когда зирихгеранцы-кубачинцы приняли ислам, создание большого количества выдающихся произведений мусульманского декоративно-прикладного искусства. Это, прежде всего, многочисленные памятники резьбы по камню, а также произведения художественной дерево- и металлообработки¹. Многие из них вошли в сокровищницу исламского искусства и хранятся в крупнейших музеях в России и зарубежом. Принятие ислама обусловило возведение зданий культовой архитектуры и учебных заведений – квартальных и пятничной (кубач. *Хвала мишит* – «Большая мечеть») мечетей, медресе, которые были украшены превосходно отделанными каменными рельефами и резным деревом. К тому же времени относится строительство, к сожалению, давно разрушившегося без присмотра здания дворцового типа *Хвала хьулбе* (в пер. с кубач. – «Большие дома»), которое принадлежало высшему органу местного самоуправления *Чине* (Совет старейшин) и было необычайно богато декорировано каменными рельефами с различными изобразительными сюжетами, а также арабскими надписями и растительным орнаментом.

По количеству дошедших до настоящего времени мусульманских произведений декоративно-прикладного искусства, созданных в XIV–XV вв. в с. Кубачи и во всем Дагестане, ведущее место занимают памятники камнерезного искусства. Это детали архитектурного декора с разнообразными сценами и сюжетами, с изображениями различных реальных и фантастических животных, с богатым и выразительным растительным орнаментом, с каллиграфически выполненными арабскими надписями. К категории памятников камнерезного искусства относятся также многочисленные (нами зафиксировано более 100) надмогильные стелы указанного времени, которые декорированы арабскими надписями в стиле «цветущего куфи», как правило, в органичном и, можно сказать, неотъемлемом сочетании с рельефным растительным орнаментом.

На каменных рельефах с большим художественным мастерством воспроизведены подвергнутые орнаментально-декоративной стилизации изображения львов, барсов, грифонов, драконов, единорогов, оленей, орлов, голубей и т.д., а также сцены борьбы и единоборства, охоты и звериного гона. Сюжеты и образы эти входили в репертуар «звериного стиля» Средневековья, который получил широкое распространение в архитектурном убранстве и декоре различных произведений декоративно-прикладного искусства мусульманских и христианских стран Азии и Европы, Востока и Запада. Проникнув на Кавказ, в том числе в Дагестан, они нашли в средневековом декоративно-прикладном искусстве Кубачи свои, порой оригинальные, художественно-стилистические особенности, структурно-композиционные построения и семантику.

Важной составной частью системы средневекового архитектурного декора и художественного оформления различных произведений декоративно-прикладного искусства, их неотъемлемой и показательной чертой, как известно, являлись растительный, геометрический, ленточный, эпиграфический и другие виды орнамента, отличающиеся многообразием своих форм, деталей и композиционных построений. Различные виды орнамента, прежде всего, растительный, нередко сопровождался в средневековом декоративно-прикладном искусстве и архитектуре Кубачи изобразительными сюжетами и сценами и органично вписанными в орнаментальный контекст витиеватыми, художественно исполненными арабскими надписями, которые несли не только информационную, но и декоративную нагрузку. Это наделяло выразительностью и подчеркивало красочность и статусность общественных архитектурных сооружений, приносило в произведения декоративно-прикладного искусства изысканность и эстетическое совершенство. В художественном наследии Кубачи эта восточная по своей сути и происхождению растительная орнаментика заняла важнейшее, ведущее место. Она продолжает свое существование, обогащаясь и развиваясь, в современном ювелирном искусстве кубачинцев.

¹ Отечественные исследователи, изучавшие перечисленные памятники средневекового искусства, в советский период не рассматривали их как произведения мусульманского искусства.

В средние века Кубачи возвысились и стали высокоразвитым центром ремесла и торговли благодаря изготовлению и продаже широкого круга изделий ремесленного производства – от оружия, защитного доспеха и до изделий художественного бронзолитейного производства – литых бронзовых котлов, медных светильников-*чирагов*. Есть основания предполагать и развитие здесь ювелирного искусства, изготовление различных украшений, которые до нас не дошли.

В рассматриваемое время в с. Кубачи работали приезжие или специально приглашенные из стран Ближнего Востока мастера – бронзолитейщики, специалисты архитектурно-декоративных работ, каллиграфы и орнаменталисты, которые вместе с местными мастерами создавали произведения декоративно-прикладного искусства высокого художественного качества.

Принятие ислама в Кубачи и включение его в ареал мусульманского искусства обусловило появление здесь в XIV–XV вв. профессиональных переписчиков рукописей – *катибов*, которые создавали рукописные копии популярных сочинений, поступавших в Дагестан из стран мусульманского Востока, авторами которых были знаменитые ученые и богословы, поэты и мыслители. В указанное время, как установлено А.Р. Шихсаидовым, сложилась зирихгеранская школа высокопрофессиональных каллиграфов – переписчиков арабских рукописей², удовлетворявших высоко возросший спрос на рукописные книги [41, с. 3; 42, с. 52].

Большого развития достигла в XIV–XV вв. в Кубачи арабская декоративная каллиграфия, которая была доведена до высокого совершенства, стала одним из видов художественного творчества мастеров средневекового Зирихгерана-Кубачи. Использование арабского письма для украшения различных произведений декоративно-прикладного искусства и архитектурных сооружений не только несло определенную религиозно-идеологическую нагрузку, но значительно расширило художественно-выразительные средства умельцев. Арабское письмо дагестанские мастера часто применяли в декоративных целях не только в XIV–XV вв., но и в последующие столетия и используют вплоть до современности.

У кубачинцев особым почитанием пользовалось арабское куфическое письмо, которое они называли *купе хамI* – «почерк куфи». Оно широко использовалось в декоративной отделке мусульманских надмогильных стел XIV–XVI вв. Отделанные арабскими надписями в стиле «цветущего куфи» на фоне изящного растительного орнамента многие стелы из Кубачи и соседнего аула Калакорейш (кубач. *Ур-цмуци*) можно без преувеличения отнести к шедеврам средневекового исламского камнерезного искусства.

Следует отметить, что в переводе на русский язык позднекуфических надписей средневековых кубачинских памятников резьбы по камню большая заслуга принадлежит крупному эпиграфисту, востоковеду-арабисту, проф. Амри Рзаевичу Шихсаидову (1928–2019). Не все эти памятники еще опубликованы.

В последние годы кубачинские каменные рельефы подробно изучены нами, показана принадлежность большинства из них исламскому искусству [1, с. 219–299]. Вместе с тем, не выясненным до конца остается вопрос о том, почему в художественной резьбе по камню и дереву селений Кубачи и Калакорейш в первые века их исламизации довольно широко бытовали светские изобразительные сюжеты, даже на тех рельефах, которые входили в конструкцию мусульманских культовых и учебных сооружений – кварталных мечетей и медресе и занимали в них важное визуальное место. Позднее, очевидно, начиная со второй половины XV – начала XVI в., когда ислам в Кубачи (а в Калакорейше несколько ранее) принял ортодоксальную форму, у многих изображений живых существ были отбиты головы, а у некоторых изображений, в том числе изображений львов и птиц на дверях мечети с. Калакорейш, шеи были «перерезаны» глубокой чертой. При реставрации кварталных мечетей Кубачи (в т.ч. женской мечети в нижнем квартале) рельефы с изобразительными сюжетами с отбитыми головами или с «перерезанными» глубокой чертой шеями были вставлены в кладку их стен. Среди рельефов, взятых из развалин старых зданий, были и такие, у которых полностью сохранились изображения.

Изображения оленей, львов, грифонов, птиц на каменных рельефах и литых бронзовых котлах из Кубачи, на надмогильном памятнике в виде каменного саркофага из Калакорейша, а также на створках резных дверей калакорейшской мечети можно уверенно отнести к произведениям светских изобразительных сюжетов исламского искусства³. Кратко опишем их.

2 Рукописи, переписанные в Кубачи, хранятся в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН.

3 Термин «светские изобразительные сюжеты исламского искусства» заимствован нами из работы известного востоковеда, директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского «Исторический контекст мусульманского искусства» (Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008. С. 6).

1. Рельефное изображение оленя, заключенного в крупный фигурный медальон в виде элемента растительного орнамента, высечено на тимпане⁴ двупроемного окна (102×66 см) XIV в. из с. Кубачи (рис. 1).

Рельеф этот впервые описал Р.Ф. Эркерт⁵ [2, с. 198]. Фотографию тимпана без описания позже опубликовали А.С. Башкиров [3, табл. 73], затем Э.В. Кильчевская [4, табл. IV, рис. 5]. Надпись на тимпане остается непереуведенной, несмотря на то, что ее изучали В.А. Крачковская [6, с. 352–353], Л.И. Лавров [7, с. 128, № 337] – мы полагаем, что это подражание арабскому письму.

Тимпан имеет полукруглую форму и сверху обрамлен арабской псевдонадписью, представляющей собой имитацию арабской вязи с крупными рельефными, декоративно трактованными «буквами». В центре тимпана расположен фигурный медальон, в котором в высоком рельефе изображен двигающийся влево олень, показанный в профиль, с подогнутыми передними конечностями и повернутой назад головой. Голова оленя преднамеренно отбита значительно позднее изготовления тимпана. У оленя сильно стилизованное крыло, отходящее от левой лопатки, тянущее вверх и оканчивающееся над спиной полутрилистником. Под центральным медальоном помещен небольшой рельефный полумедальон с растительным орнаментом – с центральным стволом и отходящими вверх, вправо и влево трилистниками.

Три составные части композиции, помещенные в полукруге тимпана – изображение животного в центральном медальоне, окаймляющий верх и бока тимпана эпиграфический орнамент и расположенное внизу в полумедальоне древо с трилистниками – органично соединены в единое целое и придают декору тимпана образность и картинность. При этом композиционным центром тимпана и по занимаемому месту, и по своим размерам выступает изображение оленя, на котором прежде всего концентрируется внимание зрителя.

Тимпан первоначально входил, вероятно, в конструкцию окна одной из квартальных мечетей, развалившейся в советское время без присмотра. Ныне он хранится в Национальном музее Республики Дагестан (НМРД). Подробно он описан нами в монографии «Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. ...» [1, с. 248–249, 526, рис. 215]. Данный тимпан датируется 1380-ми гг. Основанием для такой датировки послужили палеографические особенности представленного на нем эпиграфического орнамента, имитирующего арабскую надпись – изображенная псевдонадпись и отдельные, составляющие ее псевдолитеры близки в своих очертаниях к реальной арабской надписи на надмогильном памятнике из Кубачи, на котором имеется дата его изготовления – 787 г. хиджры / 1385–86 гг. [1, с. 499, рис. 149].

2. Сцена нападения льва на кабана (сцена терзания хищником – львом – копытного животного – кабана) высечена на тимпане (156×85 см) двупроемного окна из с. Кубачи (рис. 2), хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже. Датируется тимпан первой половиной XIV в. Он привлекал внимание многих ученых. Эстамп с его декора снял акад. Б.А. Дорн, будучи в 1861 г. в с. Кубачи, но был опубликован значительно позже – в 1895 г. уже после смерти исследователя [8, отд., 1, табл. XVI, рис. 2]. Рисунок эстампа и фотографию тимпана издал А.С. Башкиров в 1931 г. [3, с. 52, рис. 16, табл. 7]. Его фотографию также публиковали Р.Ф. Эркерт в 1887 г. [2, S. 199], Э.В. Кильчевская в 1962 г. [4, с. 28–29, табл. III, рис. 7], И.А. Орбели в 1963 г. [9, табл. 64]. Изображение и краткое описание тимпана имеется и в книге Л.И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» [7, с. 127–128, № 336, с. 288, рис. 336]. Следует отметить, что побывавший в 1882 г. в с. Кубачи акад. Д.Н. Анучин писал, что тимпан «находится над дверью одного дома, напротив... основания древней башни. Горельеф этот изображает льва, положившего лапу на голову свиньи... Мне удалось снять с него слепок (бумагой), по которому в Москве было воспроизведено в копии все изображение, вместе с окаймляющей его куфической надписью» [10, с. 412].

Надпись (или подражание арабской надписи?) на тимпане остается неразобранной. В.А. Крачковская, исходя из палеографических особенностей надписи, датировала тимпан XIII в. и считала, что надпись сделана на неизвестном языке [6, с. 352–353]. И.А. Орбели также полагал, что надпись сделана «на неизвестном языке арабскими буквами» и отметил, что тимпан украшен «... неприемлемым для ислама и, казалось бы, неприемлемым с начертаниями арабских букв изображением свиньи» [9, с. 349, табл. LV].

4 Колонки этого и других тимпанов (№№ 2, 5, 6 и т.д.) не сохранился.

5 Перевод на русский язык: Эркерт Р.Ф. Кавказ и его народы. Пер. с нем. Э. Дупенко (машинопись) // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 351).

3. К описанной выше сцене нападения льва на кабана близка другая сцена, высеченная на крупном каменном блоке, вставленном в кладку западной стены второго этажа жилого дома А. Шахаева в с. Кубачи (рис. 3). Блок неправильной четырехугольной формы. Он является, по-видимому, частью тимпана, разбившегося при разрушении стены пришедшего в аварийное состояние здания. На сохранившейся части представлены изображения льва и кабана, а остатки арабской псевдонадписи были, вероятно, специально отбиты, чтобы хорошо подогнать рельеф в стену жилого дома Шахаевых. Об этом свидетельствуют неровные края рельефа, а также сама композиция сцены нападения льва на кабана, почти повторяющая сцену на описанном выше тимпане с незначительными различиями в иконографии сюжета. Кроме того, когда в конце XIX в. строили дом Шахаевых, мусульмане считали, надо полагать, недопустимым изображение свиньи рядом с арабской надписью.

Еще две сцены нападения льва на кабана высечены на рельефах XV в. из Кубачи [1, с. 231].

Повторение несколько раз одного и того же сюжета – сцены нападения льва на кабана (сцены терзания хищником копытного животного) – свидетельствует о его популярности в средневековом камнерезном искусстве Кубачи, генетически восходящем к сюжетам сцен терзания в произведениях искусства стран Ближнего Востока [1, с. 233]. Сюжет этот, появившийся еще в глубокой древности, продолжал широко бытовать и в эпоху Средневековья, имея многочисленные варианты композиционного воплощения и художественно-стилистической трактовки [1, с. 233–234].

4. Сцена борьбы льва и единорога (рис. 4) высечена на тимпане (126×77 см) двупроемного окна из с. Кубачи [1, с. 232, 518, рис. 199], хранящемся в НМРД А.А. Тахо-Годи. На обрамляющем сверху тимпан полукруге представлены рельефные изображения различных животных, идущих (или бегущих) справа и слева к центру (звериный гон). Головы их отбиты намного позднее изготовления тимпана. Датируется тимпан началом XV в. Изображение средневековым мастером-камнерезом схватки льва и единорога может находить объяснение в опубликованной Киршей (Кириллом) Даниловым (1703–1776) «Голубиной книге» (кон. XV – нач. XVI в.) – памятнике русского устного народного творчества, в котором содержится пассаж о единоборстве «единорога-зверя всем зверям отца» и льва [46, с. 208–221]:

*А и ищет он сопротивника
А того ли люта льва-зверя;
Сошлись они со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, драться:
Охота им царями быть.
Над всеми зверьями взять большину.
И дерутся оне о своей большине.
Единорог-зверь покоряется.
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан – царем ему быть,
Царю быть над зверьями всеми.*

В контексте отмеченных ранее определенных параллелей в сюжетах, зооморфных образах, сюжетно-тематической общности каменных рельефов Зирихгерана-Кубачи и Владимиро-Суздальской Руси [1] привлечение памятника русского фольклора для толкования сцены на кубачинском рельефе вполне оправдано. Образ единорога и сюжеты, связанные с ним, «в эпоху Средневековья были распространены как в восточных, так и в европейских мифологических представлениях, в фольклоре, а также в различных видах искусства – в пластическом архитектурном декоре, в геральдике, книжной миниатюре, на гобеленах, оружии, воинских доспехах, и т.д.» [49, с. 322]. В Античности и в Средние века единорога считали реально существовавшим животным. Сцену, высеченную на тимпане – борьба льва и единорога, можно отнести к числу светских изобразительных сюжетов исламского искусства, если тимпан этот входил в конструкцию культового или учебного здания (мечети, медресе). Но мы не располагаем данными, в каком здании он находился первоначально.

5. Рельефные изображения двух борцов в схватке и рельефная персидская надпись в полукруге высечены на тимпане (133×82 см) двупроемного окна середины XIV в. из с. Кубачи (рис. 5).

Тимпан служил объектом изучения многих исследователей с начала 1930-х гг. [1, с. 304–306, рис. 251; 3, с. 15–16, табл. 10, 12–13; 4, с. 28–29, табл. III, 6; 5, с. 97, рис. 47–48; 6, с. 352–357, табл. I; 7,

с. 112–113, № 269; 13, с. 178, рис. 125; 14, с. 57–60; 16, с. 288, рис. 159]. Специальную статью о нем написал А.А. Иванов [14, с. 57–60]. Подробное описание его дано в нашей монографии «Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв.» [1, с. 304–306, рис. 251].

В конструкции какого здания первоначально находился тимпан неизвестно. А.С. Башкиров, первым опубликовавший тимпан, зафиксировал его в западной стене женской мечети (*Хьунналла мишит*) в нижнем квартале старой части Кубачи. Ныне тимпан с подпиравшими его тремя колонками (две боковые и центральная), отделанными растительным орнаментом, экспонируется в Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой.

На тимпане воспроизведена сцена единоборства двух молодых людей, композиция которой построена в соответствии с формой архитектурной детали. Положением тел, рук и ног мужчин передано напряженное состояние борющихся, момент их решительной схватки. В обрамляющем сверху тимпан полукруге расположена рельефная персидская надпись: «Да будет покровителем творец мира. Да будет покровителем...», в центре которой рельефно изображена голова быка в фас.

Надпись на тимпане В.А. Крачковская считала арабской и датировала рельеф XIII в. А.А. Иванов определил надпись как персидскую и датировал ее первой половиной XIV в. [14, с. 57–60].

Единоборство двух мужчин воспроизведено и на других кубачинских рельефах – деталях архитектурного декора [1, рис. 252; 67, табл. V]. Сюжет этот является одним из распространенных в средневековом камнерезном искусстве Кубачи, а описанный тимпан с двумя борцами и персидской надписью изготовлен в мусульманской среде.

6. Рельефное изображение конного всадника и эпиграфического орнамента (подражание арабской надписи) в полукруге представлены на тимпане (136×65 см) двупроемного окна из с. Кубачи (рис. 6). Тимпан ныне хранится в НМРД им А. Тахо-Годи. Его изучали Э.В. Кильчевская [5, с. 116, рис. 64], М.М. Маммаев [1, с. 311–312, рис. 257; 16, с. 99–100, рис. 164; 17, с. 56–67, рис. 6]. Датруется тимпан концом XIV или началом XV в. Изготовлен он из камня – песчаника твердой породы. Первоначально тимпан находился над входной дверью в медресе.

7. Изображение конного всадника, движущегося вправо (рис. 7), высечено на оконном тимпане (129,5×73 см) из Кубачи, хранящемся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке [41, p. 153-163, fig. 1; 42, p. 20]. Полукруг тимпана заполнен рельефным растительным орнаментом. Датруется тимпан концом XIV в. или началом XV в. Иконография фигуры коня, воспроизведенная на данном рельефе, значительно отличается от иконографии фигуры коня на тимпане № 6, описанного выше. Ясно, что эти два тимпана изготовлены в разное время, разными мастерами-камнерезами.

Точно также изображение конного всадника на описанном ниже тимпане можно отнести к сюжетам светского изобразительного исламского искусства, если тимпан первоначально входил в конструкцию культового здания. Но, к сожалению, нет данных о том, какое здание он первоначально украшал. Так что вопрос о принадлежности к светским изобразительным сюжетам воспроизведенных на тимпанах сцен борьбы льва и единорога и изображение конного всадника остается открытым.

8. Тимпан (144×76 см) из собрания НМРД им. Тахо-Годи (рис. 8). Им интересовались многие исследователи [1, с. 393, 455, рис. 45; 5, с. 126, с. 73; 7, с. 129, 288, № 339; 8, отдел II, табл. XVII, 3; 12, с. 108, рис. 1; 13, с. 183–184, рис. 133; 16, с. 293, рис. 168; 18, с. 115, рис. 39; 19, с. 307; 20, с. 321; 21, с. 82, рис. 1; 22, с. 202, рис. 205]. Но их внимание привлекали в основном арабские надписи на нем. Поэтому целесообразно дать его описание.

В правой, меньшей, части тимпана имеется косая трещина, идущая сверху вниз. В центре рельефа высечена арабская надпись, плотно заполняющая его полукруглое очертание. Нижний конец его имеет фигурное оформление, образующее слева и справа по три круглых медальона, в которых расположены рельефные арабские надписи (не переведенные). В обрамляющем тимпан сверху полукруге высечена орнаментальная композиция в виде ряда ритмично чередующихся восьми рельефных пятичастных пальметт, заключенных в круги. Последние соединены между собой узелками. Промежутки между пальметтами заняты небольшого размера полутрилистниками. На правом и левом концах орнаментальной полоски (бордюра) расположены сделанные в низком рельефе стилизованные изображения головок птиц с загнутыми вниз клювами.

На боковых нижних четырехугольных выступах тимпана находятся показанные в профиль и обращенные в разные стороны низкорельефные изображения львов. Головы их сбиты умышленно значительно позднее изготовления тимпана. Изображения эти трактованы декоративно: грива их отмечена

криволинейными параллельными ленточными полосками на шеях. На лопатки и бедра нанесены рельефные полупальметты. Хвосты, закинутаые на спины, оканчиваются полутрилистниками. Передняя лапа животных показана поднятой вверх.

Тимпан отделан на высоком художественном уровне. В его декоре гармонично сочетаются растительный орнамент, арабские надписи и изобразительные сюжеты, что придает памятнику камнерезного искусства высокие художественные качества. Тимпан является одним из ценных в научном плане рельефов – архитектурной деталью, на которой имеется точная дата его изготовления. Кроме того, тимпан позволяет уточнить время исламизации с. Кубачи. Арабскую надпись на тимпане первым из исследователей прочитал акад. Б.А. Дорн. Он писал: «Кубачинцы упорно защищались против ислама в общем вплоть до XIV столетия (старейшая достоверная арабская надпись в Кубачи от 807 г. хиджры / 1404–05 гг.) и не платили никакой дани» [20, S. 321]. В другой статье он высказался более конкретно относительно принятия кубачинцами ислама: «Надпись 807 г.х. / 1404–05 гг., находящаяся в школе... гласит, что эта школа была построена тогда, когда они (кубачинцы – М.М.) примкнули к религии Аллаха. Следовательно, по этому указанию они стали мусульманами в указанном году» [19, S. 307].

Трудности разбора и перевода арабского текста на тимпане, представляющего густую каллиграфическую вязь, обусловили то, что ученый допустил неточность, которая в свою очередь привела к тому, что впоследствии среди ученых утвердилось неверное мнение о принятии ислама кубачинцами в начале XV в. Эта ошибочная точка зрения нашла отражение в работах Р.Ф. Эркерта [2, S. 194–195], А.Н. Генко [23, с. 99], Е.М. Шиллинга [24, с. 12], Р.М. Магомедова [25, с. 272], А.Р. Шихсаидова [26, с. 26] и др. И только лишь в 1963 г. Л.И. Лавров издал полный и верный перевод этой надписи: «И построено это благородное медресе в дни поражения этой страны чумой в восьмьсот седьмом году. Установления и устои жизни – религия Аллаха» [7, с. 129; 27, с. 284–285]. То есть в надписи на тимпане 807 г.х. / 1404–05 гг. сообщается не о принятии кубачинцами ислама в начале XV в., а о строительстве медресе. Следовательно, ислам в Кубачи достаточно прочно утвердился задолго до этой даты [18, с. 140]. И представленные на нижних боковых выступах изображения львов были нанесены в самом начале XV в., и они относятся к светским изобразительным сюжетам мусульманского искусства Дагестана.

9. Изображения двух грифонов, идущих навстречу друг другу, и арабская надпись представлены на бронзовом литом котле открытого типа, происходящем из Кубачи и датируемом XV в. (рис. 9).

В Средние века в с. Кубачи высокого уровня развития достигла художественная обработка металла, лучше всего представленная литыми бронзовыми котлами. Они также привлекали внимание многих ученых [1, с. 134–144, рис. 106–129; 28, с. 25–26; 29, с. 54–58; 4, табл. V, рис. 8–11; 5, с. 96, рис. 46, 56–60; 9, с. 347–361; 16, с. 48–51, рис. 71–79; 18, с. 120, рис. 44; 24, с. 66–71; 30, с. 37–42; 31, с. 51–53; 32, с. 24–25; 33, с. 687–696]. Здесь мы рассмотрим лишь один котел так называемого открытого типа. Его обстоятельно изучил А.А. Иванов [29, с. 54–58]. На котле, наряду с арабской надписью на горизонтальном выступе бортика, представлены изображения двух грифонов. Это обстоятельство позволяет отнести котел к группе исламских памятников, на которых воспроизведены светские изобразительные сюжеты.

Котел (h = 33 см, d устья = 61 см), долгое время хранившийся в Кубачи, был куплен в 1973 г. Государственным Эрмитажем у А.Г. Амировой. Он цельнолитой, с полусферическим туловом на трех ножках конической формы, горизонтально отогнутым бортом и двумя фигурными ручками на широких выступах борта (рис. 9). В четырех местах борта имеются широкие выступы, концы которых соединены тягами с трехлопастными медальонами на узких участках борта (сохранилась только одна тяга). По краям слива располагаются рельефные стилизованные изображения идущих навстречу друг другу двух грифонов. Узкие участки бортика украшены растительным орнаментом в виде волнистого стебля с попеременными отгибами трилистников влево и вправо, с плетенками. На горизонтальном выступе на противоположной сливу стороне на фоне волнистого стебля выюнка с трилистниками расположена арабская благопожелательная надпись из двух слов «Слава, благополучие» [29, с. 54].

А.А. Иванов датировал рассматриваемый котел с надписями и растительным декоративным фоном второй половиной XIV в. на основе близкого сходства с надписями на кубачинских надмогильных памятниках XIV в., также изображенных на фоне подобного волнистого выюнка [29, с. 57]. Он упоминает еще четыре аналогичных по форме, декору и надписи котла, которые были отлиты по одной и той же модели [29, с. 54].

Наряду с котлами открытого типа в Средние века в Кубачи бытовали и котлы так называемого закрытого типа, превосходно отделанные изобразительными сюжетами – изображениями стилизованных львов, барсов, грифонов, птиц, конных всадников и т.д. [1, с. 138–140, рис. 112–123]. В декоративной отделке котлов использованы растительный и ленточный виды орнамента.

10. Различные светские изобразительные сюжеты, орнамент, а также арабские надписи высечены на надгробии XIII в. в виде каменного саркофага (рис. 10) из с. Калакорейш со стрельчатым верхом. Изготовлен он из цельного блока камня – ракушечника. Длина его 2 м, высота 0,58 м, длина основания в виде плоского горизонтального выступа прямоугольной формы 2,10 м, ширина 0,72 м. Находится памятник на северо-западной окраине с. Калакорейш, с левой стороны дороги, ведущей в с. Кубачи, на небольшом покатом склоне. К сожалению, под воздействием атмосферных явлений саркофаг портится с каждым годом, выветриваются высеченные на нем изображения, орнамент и арабские надписи. Впервые саркофаг относительно подробно изучил А.С. Башкиров [34, с. 54–63, табл. VII, 2–3, табл. VIII]. Он датировал его «не позднее конца XII в.». Позднее саркофаг исследовала Э.В. Кильчевская [4, с. 21–23, табл., 7–9; 5, с. 53–57, рис. 21–23]. Она неверно датировала его VIII–X вв. Арабскую надпись на саркофаге она считала нанесенной значительно позднее его изготовления.

Вопроса датировки этого надмогильного памятника касались Л.И. Лавров [7, с. 77, 179], П.М. Дебиринов [22, с. 34], А.Р. Шихсаидов [35, с. 129–132], которые относили его к XI–XII вв. Впоследствии А.Р. Шихсаидов пересмотрел датировку и отнес памятник к XIII – началу XIV в. [35, с. 130]. Саркофаг подробно описан нами и датирован XIII в. [1, с. 176–181]. Он оригинально украшен с трех сторон рельефными изображениями животных, птиц, а также орнаментальными композициями. В процессе изготовления на него была нанесена позднекуфическая арабская надпись.

Центральное поле продольной юго-западной стороны надмогильного камня занимает рельефная геральдическая композиция, изображающая двух львов по обе стороны и орла с распахнутыми крыльями (рис. 10). Львы изображены условно, они обращены головами, показанными в фас, к орлу, у каждого животного передняя лапа приподнята, хвосты закинута на спину. На туловище изображенного слева от орла льва расположена врезная позднекуфическая арабская надпись, которая имеет продолжение влево от фигуры льва и далее – на северо-восточной стороне саркофага (рис. 10б). Надпись переведена Л.И. Лавровым: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это Хасан б...?» [7, с. 77]. А.Р. Шихсаидов считал, что имя в надписи должно читаться, скорее, как Хайдар или Хайдан [35, с. 129].

Над изображениями львов и орла, вдоль грани стрельчатого верха саркофага, расположена многочастная фризовая композиция (рис. 10а, б), в центре которой изображены два сплетенных телами и обращенных друг к другу головами ушастых змея-дракона с раскрытыми пастьями, по бокам которых – два стилизованных животных, по-видимому, львы, с приподнятой лапой. Справа и слева от этой центральной композиции нанесен врезной геометрический орнамент из различных плетенок с отдельными растительными элементами.

В центре противоположной северо-восточной продольной стороны надмогильного камня (рис. 10в) изображен своеобразный рельефный переплетающийся узор, напоминающий перевернутую надпись «Аллах» и монограмму из арабских букв *алеф* и *лам*, имеющих определенный сакральный смысл. Выше, вдоль верхнего края этой стороны саркофага, располагается фриз из разнообразных рельефных геометрических и растительных плетенок, в том числе так называемые «узлы счастья» или бесконечные узлы. В конце фриза, с правой стороны, изображены два противостоящих в геральдической позе, обращенных друг к другу, но с повернутыми назад головами, стилизованных, стоящих в статичной позе животных-хищников с приподнятой передней лапой.

На торцевой стороне саркофага, имеющей форму стрельчатой подковообразной арки, высечена рельефная многофигурная композиция, построенная по принципу двусторонней относительной симметрии. Центральную ось композиции образует стилизованное изображение дерева с двумя, обращенными в разные стороны, ветвями-полупальметтами и с фигурной стрельчатой кроной-медальоном с монограммой из арабских букв (рис. 10г). По обе стороны дерева, между ветвями и кроной, изображены летящие в разные стороны две птицы. У основания дерева, также по обе его стороны, расположены фигуры двух львов – тела их изображены в профиль, головы в фас, хвосты закинута на спины, передняя лапа у каждого льва приподнята.

Саркофагообразный памятник XIII в. из с. Калакорейш – оригинальный и единственный в своем роде среди подобных надмогильных камней [40, с. 13–22, рис. 3–6], украшенный изобразительными

сюжетами и орнаментом – памятник камнерезного искусства, изготовленный в мусульманской среде [1, с. 181].

Светские изобразительные сюжеты исламского искусства нашли своеобразное воплощение и в средневековой художественной резьбе по дереву Дагестана. Они воспроизведены на двух двустворчатых дверях XII–XIII вв. западного и восточного входов в северной стене мечети с. Калакорейш (рис. 11, 12). Изготовлены они из сплошных дубовых досок. Ныне двери хранятся в Национальном музее Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи. Их изучали акад. Б.А. Дорн [8, табл. XVI, № 7], проф. А.С. Башкиров [3, табл. 41–42; 37, с. 118–130, табл. X–XII]. Вскользь касались калакорейшских дверей Е.М. Шиллинг [24, с. 7–8, рис. 2] и А.Ф. Гольдштейн [39, с. 19, 21, рис. 18–б]. Подробно исследовали двери П.М. Дебилов [38, с. 40–44, рис. 52–55а] и М.М. Маммаев [1, с. 203–212, 509, рис. 182–183].

Декоративная отделка дверей восточного входа в калакорейшскую мечеть отличается от отделки дверей западного входа. На передней стороне обеих створок восточных дверей (размеры их: высота 1,96 м, общая ширина 1,33 м, ширина левой створки 0,63 м, правой створки 0,62 м, толщина 0,06 м) в их центральной части расположены парные изображения львов (рис. 11). В середине правой створки – трехчастная геральдическая композиция рельефных изображений двух львов, обращенных мордами друг к другу, с приподнятыми по одной передними лапами. Между изображениями львов находится сердцевидная фигура с растительным орнаментом внутри [16, рис. 190, 192]. Львы изображены в профиль, головы их – в фас. Детали морд зверей стерлись. Крученые хвосты подняты вверх. Концы их завершаются изображениями крупных трилистников. Изображения львов находят аналогии в изображениях львов геральдических композиций каменных рельефов – деталей архитектурного декора из с. Кубачи. На это обратил внимание еще А.С. Башкиров [37, с. 126, рис. 6–8].

На левой створке восточных дверей, в ее средней части, в прямоугольной рамке помещены изображения двух львов. Они показаны крест-накрест, их морды обращены в противоположные стороны [16, рис. 191]. Животные показаны обобщенно, фигуры их вырезаны в одной плоскости путем выемки фона вокруг изображений. У изображения льва, обращенного вправо, детали морды повреждены вследствие того, что здесь выломался кусок дерева. У изображения льва, обращенного влево, они достаточно хорошо заметны: уши животного наострены, глаза отмечены точечными ямками, нос передан низкорельефным выступом, грива – орнаментальными завитками. Свободные промежутки между изображениями львов заняты мелким растительным орнаментом.

Как отмечалось, резьба описанных восточных дверей значительно отличается от резьбы западных дверей (рис. 12). Высота последних – 1,97 м, общая ширина 1,10 м, ширина правой створки 0,60 м, левой – 0,50 м, толщина около 0,06 м. Обе створки дверей покрыты сплошным ковром искусной резьбы декоративного панно, оживленного включением в орнаментальную композицию фигур птиц. Сетчатая орнаментальная композиция дверей отличается ясностью и четкостью построения. Ей присущи ритм, симметрия и пропорциональность. Все это придает рисунку створок живость и нарядность, а поверхности их – изысканно богатый вид.

Находящиеся в верхних частях створок изображения птиц в профиль размещены в геральдическую композицию по сторонам плетенок в виде «узлов благоденствия». Из-за сильной стилизации определить вид птиц трудно. По всей видимости, это павлины. У них пышные хвосты, опущенные вниз, изогнутые шеи и загнутые вниз клювы. На головах имеются кокошники, а на шеях – развешивающиеся и изогнутые соответственно контурам туловищ ленты. У каждой пары птиц одна из ножек приподнята и пересекается с соседней. На шеи птиц, как и на шеи львов на восточных дверях, сделаны врезные поперечные черты – своего рода знаки умерщвления. На туловище птиц (а также на срединной планке дверей), как на то обратил внимание М.С. Гаджиев, нанесены, вероятно, значительно позднее изготовления дверей, врезные знаки, представляющие собой лигатурное написание арабских букв *лам* и *алиф* (ل), которое имеет глубокий сакральный смысл, особенно в суфийской мистической семантике [47, с. 27–28].

Описанные выше двери мусульманского культового здания – Калакорейшской мечети – являются великолепными памятниками средневековой художественной резьбы по дереву, в декоративной отделке которых нашли оригинальное воплощение светские изобразительные сюжеты исламского искусства.

Светские изобразительные сюжеты исламского искусства – это не особые сюжеты, существенно отличающиеся от обычных сюжетов. Исламскими они названы ввиду того, что воспроизведены вместе

с арабскими и персидскими надписями или их подражаниями на рассмотренных и других памятниках исламского декоративно-прикладного искусства Кубачи, включающих детали архитектурного декора знаковых общественных зданий, образцы художественного бронзового литья и резьбы по дереву. Каменные рельефы украшали, вероятно, здания мусульманской культовой архитектуры. Однако рельефами с изобразительными сюжетами могли быть украшены и гражданские постройки, например, здание *Хвала хьулбе* дворцового типа, принадлежавшие, как отмечалось ранее, высшему органу местного самоуправления кубачинской общины – *Чине*. Такими же светскими сюжетами исламского искусства украшались и предметы бытового пользования – бронзовые котлы из Кубачи, художественная глазурованная керамика Дербента и т.д. Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что исламское искусство Кубачи и Калакорейша XIV–XV вв. под влиянием искусства мусульманского Востока включало в себя и светские изобразительные сюжеты, которые нередко имеют своеобразную, оригинальную трактовку, хотя и создавались в русле и во взаимосвязи с исламским изобразительным искусством, несмотря на существовавший категорический запрет изображения живых существ (см., напр.: Сахих аль-Бухари, 5950–5951 – [48]). Но здесь следует заметить, что, как нам представляется, на первом этапе распространения ислама в Кубачи в XIV – первой половине XV в. к такому запрету относились умеренно, что отражало в целом ситуацию на мусульманском Востоке. Обстоятельства изменились с распространением ислама в Зирихгеране-Кубачи «вглубь» в период со второй половины до конца XV в. В этой связи отметим, что именно на вторую половину – конец XV–XVII вв., особенно на XVII в., приходится широкое распространение в Дагестане трудов знаменитого исламского богослова и философа Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1059–1111), который будучи сторонником аниконизма, обосновывал запрет на изображение живых существ в религиозной сфере. Важно заметить, что переписка его трудов, прежде всего «Ихйа' улум ад-дин» («Возрождение наук о вере»), осуществлялась в том числе в Зирихгеране-Кубачи (рукописи 1468, 1510, 1638 гг.) и в близ расположенном селении Шири (рукописи 1495, 1497 гг.) [50].

В заключение отметим, что большое количество высокохудожественных произведений мусульманского искусства, созданных в XIII–XV вв. в селениях Кубачи, Калакорейш и др. – это историко-культурное наследие и национальное достояние Дагестана, демонстрирующее его весомый вклад в исламскую цивилизацию Средневековья.

Рис. 1. Тимпан двупроемного окна из сел. Кубачи с изображением оленя и с рельефной арабской псевдонадписью в полукруге. XIV в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 1. Tympanum of a double-light window from Kubachi village, featuring a stag and an Arabic pseudo-inscription in relief within the semi-circle. 14th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan

Рис. 2. Тимпан двупроемного окна из сел. Кубачи с изображением сцены нападения льва на кабана и с арабской псевдонадписью в полукруге. Первая половина XIV в. ГЭ

Fig. 2. Tympanum of a double-light window from Kubachi village, depicting a lion attacking a boar, with an Arabic pseudo-inscription in the semi-circle. First half of the 14th century. State Hermitage Museum

Рис. 3. Рельеф-архитектурная деталь со сценой нападения льва на кабана в кладке стены западного фасада дома А. Шахаева в с. Кубачи. XIV в.

Fig. 3. Carved stone architectural element showing a lion attacking a boar, embedded in the masonry of the western facade wall of A. Shakhayev's house in Kubachi village. 14th century

Рис. 4. Каменный тимпан двупроемного окна из с. Кубачи со сценой борьбы льва (слева) и единорога. На обрамляющем сверху полукруге – изображения различных животных,двигающихся к центру. Начало XV в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 4. Stone tympanum of a double-light window from Kubachi village, depicting a combat scene between a lion (left) and a unicorn. The upper framing semi-circle features various animals moving toward the center. Early 15th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan

Рис. 5. Тимпан двупроемного окна из сел. Кубачи с орнаментированными колонками (столбиками), со сценой борьбы двух мужчин и рельефной персидской надписью в полукруге «Да будет покровителем Творец мира, да будет покровителем...». Середина XIV в. ДМИИ им. П.С. Гамзатовой

Fig. 5. Tympanum of a double-light window from Kubachi village with ornamented colonnettes, featuring a combat scene between two men and a Persian inscription in relief within the semi-circle: "May the Creator of the world be the protector, may he be the protector...". Mid-14th century. P.S. Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts

Рис. 6. Тимпан двупроемного окна из с. Кубачи рельефным изображением конного всадника и эпитафическим орнаментом в полукруге. Конец XIV – начало XV в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 6. Tympanum of a double-light window from Kubachi village, featuring a relief of a horseman and epigraphic ornamentation within the semi-circle. Late 14th – early 15th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan

Рис. 7. Каменный тимпан двупроемного окна из с. Кубачи с изображением конного всадника и растительным орнаментом в полукруге. США. Метрополитен-музей в Нью-Йорке. Конец XIV – начало XV в. По: Salmony A., 1943

Fig. 7. Stone tympanum of a double-light window from Kubachi village, featuring a horseman and floral ornamentation within the semi-circle. Metropolitan Museum of Art, New York, USA. Late 14th – early 15th century. After Salmony A., 1943

Рис. 8. Тимпан двери с арабской надписью о строительстве в с. Кубачи медресе, с растительным орнаментом в полукруге и изображениями в профиль львов на нижних боковых выступах. 807 г. хиджры / 1404–1405 гг. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 8. Door tympanum with an Arabic inscription commemorating the construction of a madrasa in Kubachi village, featuring floral ornamentation within the semi-circle and lions depicted in profile on the lower lateral projections. 807 AH / 1404–1405 AD. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan named after

Рис. 9. Литой бронзовый котел с изображениями двух грифонов по сторонам слива и рельефной арабской надписью: а – общий вид котла; б – арабская надпись на широком выступе борта; в – изображение грифонов по сторонам слива, растительный орнамент на узких выступах борта. Вторая половина XIV в. ГЭ. По А.А. Иванову

Fig. 9. Cast bronze cauldron with representations of two griffins on either side of the spout and an Arabic inscription in relief: a – general view of the cauldron; b – Arabic inscription on the wide rim flange; c – representation of griffins flanking the spout and floral ornamentation on the narrow rim flanges. Second half of the 14th century. State Hermitage Museum. After A.A. Ivanov

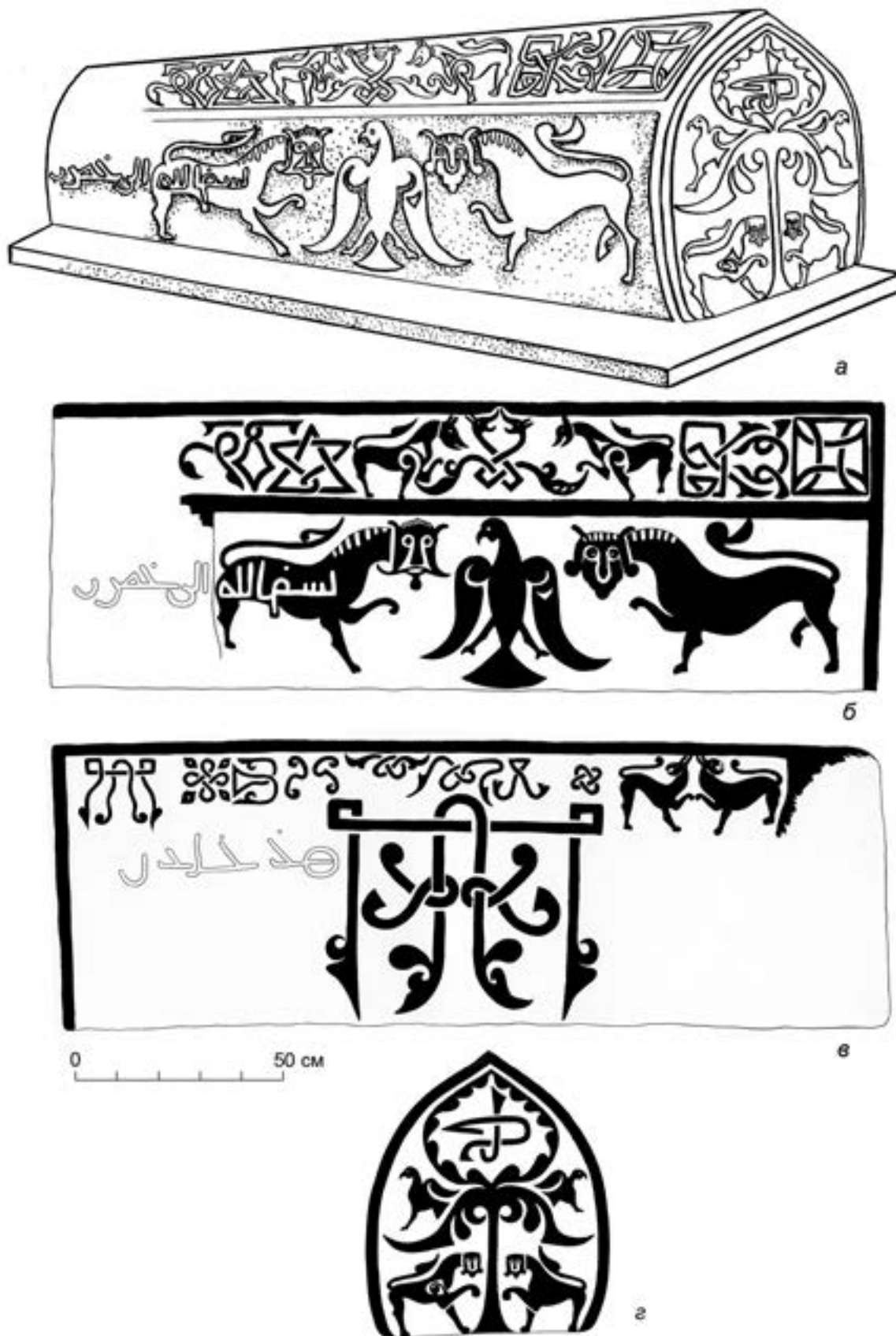

Рис. 10. Надмогильный памятник в виде каменного саркофага из с. Калакорейш (Урцмуци). XIII в.

Fig. 10. Sarcophagus-shaped stone tombstone from Kala-Koreysh (Urtsmutsi) village. 13th century

Рис. 11. Резные деревянные двери восточного входа в мечеть с. Калакорейш (Уртцмуци).
Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 11. Carved wooden doors from the eastern entrance of the mosque in Kala-Koreysh (Urtsmutsi) village.
A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan

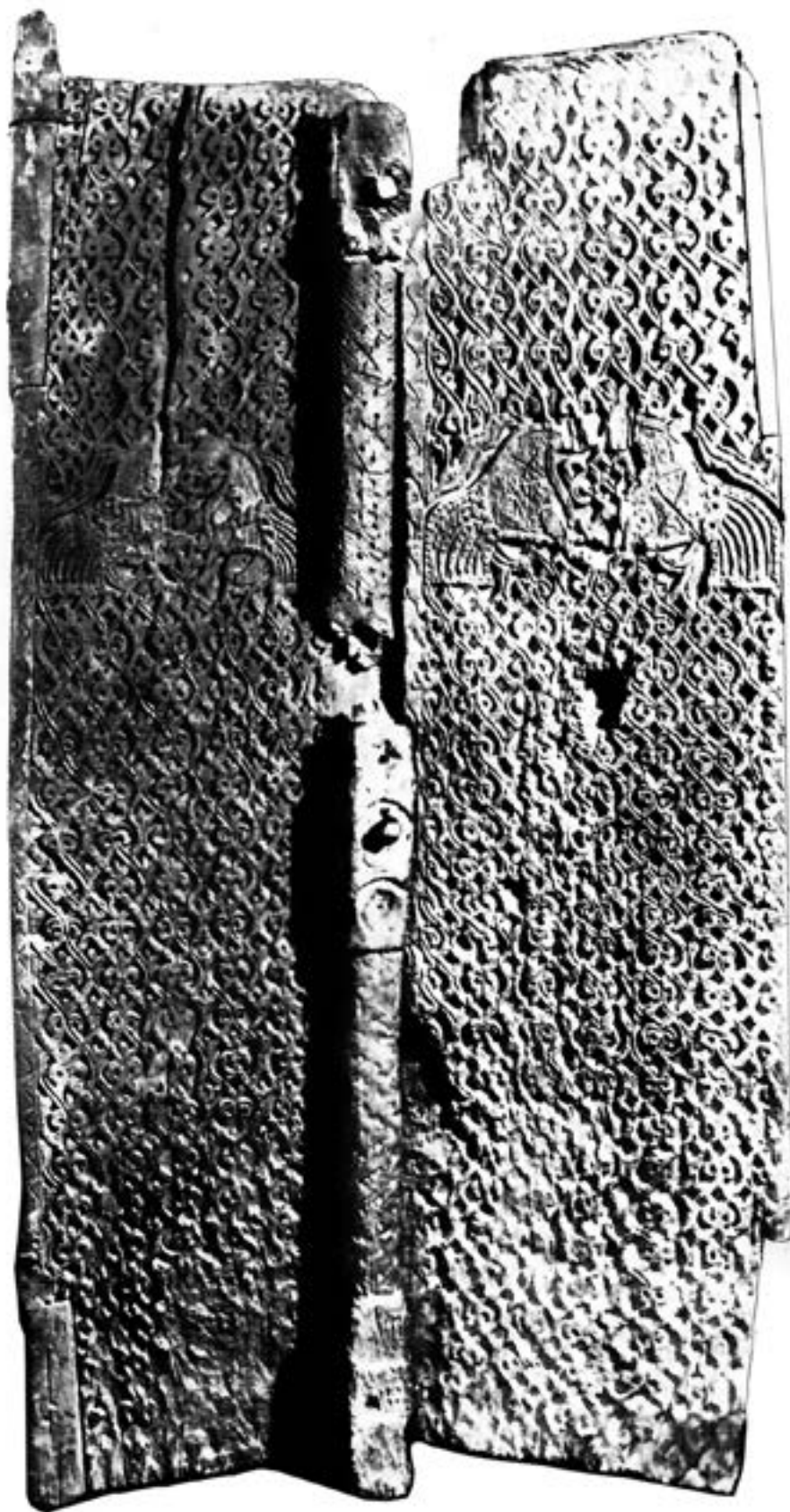

Рис. 12. Резные деревянные двери западного входа в мечеть с. Калакорейш (Уртмуци). XIII в. Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи

Fig. 12. Carved wooden doors from the western entrance of the mosque in Kala-Koreysh (Urtsmutsi) village. 13th century. A.A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Эпоха, 2014. – 592 с.
2. Erckert R.F. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig: P. Froberg, 1887. – vii, 385 p.
3. Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М.: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл. илл.
4. Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности и художественных промыслов РСФСР, 1962. – 82 с., XVI табл. илл.
5. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – 207 с., 124 илл.
6. Крачковская В.А. Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи // Памяти академика Н.Я. Марра. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 352–353.
7. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, коммент. введ. и прилож. Л.И. Лаврова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. – 300 с.
8. Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Изд. Русского археологического общества с предисл. В. Розена. СПб., 1895. Отдел I. Табл. XVI, рис. 2.
9. Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избранные труды. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1963. С. 347–361.
10. Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. // ИРГО. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884. С. 357–449.
11. Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875. – 718 с.
12. Маммаев М.М. О влиянии ислама на средневековое изобразительное творчество народов Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала: Издание Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1987. С. 101–127.
13. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / сост. А.А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 164–207.
14. Иванов А.А. Новое чтение надписи на тимпане с борцами из селения Кубачи // Эпиграфика Востока. Вып. XXII. 1984. С. 57–60.
15. Иванов А.А. Персидские надписи из Кубачи // Rivista studi orientali. Vol. LIX (59). Fasc. I–IV. Roma, 1987. С. 219–221.
16. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. – 348 с., 237 илл.
17. Маммаев М.М. Симметрия и асимметрия в формах и декоративной отделке мусульманских надмогильных памятников XIV–XV вв. из Кубачи // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 4(52). С. 54–73.
18. Маммаев М.М. Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала: Издание ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. – 250 с.
19. Dorn B. Auszäus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder // BAIS. T. XIX, 1874.
20. Dorn B. Die jetzigem Kubätschi // BAIS. T. XVIII, 1873.
21. Гозальян Л.Т. Две строительные надписи из Кубачи // ЭВ. Вып. XVI, 1963. С. 82. Рис. 1.
22. Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. – 208 с.
23. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Вып. XXXVI. М., Л., 1941. С. 99.
24. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., Л.: Издание АН СССР, 1949. – 224 с.
25. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1961. – 292 с.

REFERENCES

1. Mammaev MM. *Art of Zirikhgeran Kubachi in the 13th–15th centuries and its place in the artistic cultures of East and West*. Makhachkala: Epokha, 2014. (In Russ)
2. Erckert RF. *Der Kaukasus und seine Völker*. Leipzig: P. Froberg, 1887.
3. Bashkirov AS. *Art of Dagestan. Carved stones*. Moscow: RANION, 1931. (In Russ)
4. Kilchevskaya EV. *Decorative art of the village of Kubachi*. Moscow: Gosizdat mestnoy promyshlennosti i khudozhestvennykh promyslov RSFSR, 1962. (In Russ)
5. Kilchevskaya EV. *From representational art to ornament*. Moscow: Nauka, Vost. Lit. Publ., 1968. (In Russ)
6. Krachkovskaya VA. *From the epigraphic motifs of the mosque in the village of Kubachi. In memory of Academician N.Ya. Marr*. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1938, pp. 352–353. (In Russ)
7. Lavrov LI. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 10th–17th centuries. Texts, translations, commentary, introduction and appendix by L.I. Lavrov*. Moscow: Nauka Publ., Vost. Lit. Publ., 1966. (In Russ)
8. *Atlas to the journey of B.A. Dorn through the Caucasus and the southern coast of the Caspian Sea. Published by the Russian Archaeological Society with a preface by V. Rosen*. St. Petersburg, 1895. Section I. Plate XVI, fig. 2. (In Russ)
9. Orbeli IA. *Albanian reliefs and bronze cauldrons. Selected works*. Yerevan: AN Arm. SSR Publ., 1963:347-361. (In Russ)
10. Anuchin DN. Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882. *Proceedings of the Russian Geographical Society*. 1884; 20(4): 357-449. (In Russ)
11. Dorn BA. *The Caspian. On the campaigns of the ancient Russians to Tabaristan, with additional information on other raids on the shores of the Caspian Sea*. St. Petersburg, 1875. (In Russ)
12. Mammaev MM. On the influence of Islam on the medieval visual art of the peoples of Dagestan. *Artistic culture of medieval Dagestan. Collected articles*. Makhachkala: Izdanie Instituta istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1987: 101-127. (In Russ)
13. Ivanov AA. On the dating of Kubachi monuments. *Art of Kubachi*. Album, comp. by A.A. Ivanov. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ., 1976:164-207. (In Russ)
14. Ivanov AA. A new reading of the inscription on the tympanum with wrestlers from the village of Kubachi. *Epigraphics of the East*. 1984; 22: 57-60. (In Russ)
15. Ivanov AA. Persian inscriptions from Kubachi. *Rivista degli studi orientali*. 1987; 59(1-4): 219-221. (In Russ)
16. Mammaev MM. *Decorative and applied art of Dagestan. Origins and formation*. Makhachkala: Dagkniogoizdat, 1987. (In Russ)
17. Mammaev MM. Symmetry and asymmetry in the forms and decorative finishing of Muslim funerary monuments of the 14th–15th centuries from Kubachi. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2017; 52(4): 54-73. (In Russ)
18. Mammaev MM. *Zirikhgeran Kubachi. Essays on history and culture*. Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2005. (In Russ)
19. Dorn B. Auszäus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder. BAIS. 1874; 19.
20. Dorn B. Die jetzigem Kubätschi. BAIS. 1873; 18.
21. Gyuzal'yan LT. Two building inscriptions from Kubachi. *Epigraphics of the East*. 1963; 16: 82. (In Russ)
22. Debirov PM. *Stone carving in Dagestan*. Moscow: Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1966.
23. Genko AN. Arabic language and Caucasian studies. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies*. 1941; 36: 99. (In Russ)
24. Shilling EM. *The Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies*. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1949. (In Russ)
25. Magomedov RM. *History of Dagestan*. Makhachkala: Dagkniogoizdat, 1961. (In Russ)

26. Шихсаидов А.Р. Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 75 с.
27. Лавров Л.И. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // СМАЭ. Т. XXI, 1963. С. 284–285.
28. Гюзальян Л.Т. О дагестанских (кубачинских) котлах открытого типа // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 г. Л.: Издание Гос. Эрмитажа, 1962. С. 25–26.
29. Иванов А.А. Кубачинский бронзовый котел XIV в. // СГЭ. Вып. XLII. Л., 1977. С. 54–58.
30. Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 118 с.
31. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. – 176 с.
32. Scerrato U. Oggetti metallici di età islamica in Afghanistan // Annali. V. XIV. Parte 2. Napoli, 1964, p. 687–696.
33. Scerrato U. Una caldaia iranica di bronzo Del Musée des Antiquites di Alger // Annali. Vol. XV. Napoli, 1965, pl. 229–236.
34. Башкиров А.С. Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. 1. М., 1926. С. 54–63. Табл. VII, 2–3, VIII.
35. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 464 с.
36. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издание ИИЯЛ Дагфилала АН СССР, 1974. С. 123–161.
37. Башкиров А.С. Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. II. М., 1928. С. 118–130. Табл. X–XII, 3, табл. 41–42.
38. Дебилов П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. – 240 с., 345 илл.
39. Гольдштейн А.Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 27 с.
40. Гаджиев М.С. Поселение Пирмешки и его некрополь // История, археология и этнография Кавказа, 2018. Т. 14. № 2. С. 10–22.
41. Шихсаидов А.Р. Судьба древних рукописей // Дагестанская правда. 1989. 5 апреля. С. 3.
42. Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001. – 256 с.
43. Веймарн Б.В. Искусство Ирана и арабских стран VII–XVII веков. М.: Искусство, 1974. – 188 с., 88 л. илл.
44. Salmony A. Daghestan sculptures // Ars Islamica. The research seminary in Islamic Art, Institute of Fine arts, University of Michigan. Vol. X. 1943. P. 153–163.
45. The Metropolitan Museum of Art. Guide. New-York, 1992.
46. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е дополн. изд. М.: Наука, 1977. – 488 с.
47. Гаджиев М.С. Баб ал-кйама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010. С. 20–37.
48. аль-Бухари М. Сахих аль-Бухари. [Свод хадисов имама аль-Бухари] (Мухтасар полный вариант). Перевод с арабского В.А. Нирша. М.: Умма, 2003.
49. Маммаев М.М. Фольклор и декоративно-прикладное искусство: некоторые аспекты взаимосвязи // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Т. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 320–331.
50. Халидов А.Б., Шихсаидов А.Р. Рукописи сочинений ал-Газали в Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 2. 2006. С. 36–65.
26. Shikhsaidov AR. When and how Islam was implanted in Dagestan. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1962. (In Russ)
27. Lavrov LI. New materials on Arabic epigraphy in the North Caucasus. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. 1963; 21: 284–285. (In Russ)
28. Guzal'yan LT. On Dagestani (Kubachi) open type cauldrons. Abstracts of the scientific session dedicated to the results of the work of the State Hermitage for 1961. Leningrad: Hermitage, 1962:25–26. (In Russ)
29. Ivanov AA. A Kubachi bronze cauldron of the 14th century. Reports of the State Hermitage. 1977; 42: 54–58. (In Russ)
30. Shikhsaidov AR. Inscriptions tell. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1969. (In Russ)
31. Shikhsaidov AR. Dagestan in the 10th–14th centuries. An essay on socio economic characteristics. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1975. (In Russ)
32. Scerrato U. Oggetti metallici di età islamica in Afghanistan. Annali. 1964; 14(2): 687–696.
33. Scerrato U. Una caldaia iranica di bronzo Del Musée des Antiquites di Alger. Annali. 1965; 15: pl. 229–236.
34. Bashkirov AS. A medieval monument of the Dagestani village of Kalakoreysh. Proceedings of SAI AI RANION. 1926; 1: 54–63. (In Russ)
35. Shikhsaidov AR. Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th–17th centuries as a historical source. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ)
36. Shikhsaidov AR. New epigraphic monuments of Dagestan. Questions of the history of Dagestan. Issue 1. Makhachkala: Izdanie IYAL Dagfiala AN SSSR, 1974:123–161. (In Russ)
37. Bashkirov AS. Wooden doors of the Dagestani village of Kalakoreysh. Proceedings of SAI AI RANION. 1928; 2: 118–130. (In Russ)
38. Debirov PM. Wood carving in Dagestan. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)
39. Gol'dshtein AF. Architectural monuments of Kaytag. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1969. (In Russ)
40. Gadzhiev MS. The settlement of Pirmeshki and its necropolis. History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus. 2018; 14(2): 10–22. (In Russ)
41. Shikhsaidov AR. The fate of ancient manuscripts. Dagestanskaya Pravda. 1989, April 5, p. 3. (In Russ)
42. Shikhsaidov AR., Tagirova NA., Gadzhieva DKh. The Arabic manuscript book in Dagestan. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2001. (In Russ)
43. Veymarn BV. Art of Iran and the Arab countries of the 7th–17th centuries. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. (In Russ)
44. Salmony A. Daghestan sculptures. Ars Islamica. 1943; 10: 153–163.
45. The Metropolitan Museum of Art. Guide. New York, 1992.
46. Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov, 2nd supplemented ed. Moscow: Nauka, 1977. (In Russ)
47. Gadzhiev MS. Bab al qiyama – a medieval Muslim cult site in Derbent. Dagestan and the Muslim East. Collected articles in honour of Professor A.R. Shikhsaidov, comp. and eds. A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani, 2010:20–37. (In Russ)
48. al Bukhari M. Sahih al Bukhari. [Collection of hadiths of Imam al Bukhari] (Mukhtasar, full version), translated from Arabic by V.A. Nirsha. Moscow: Umma Publ., 2003.
49. Mammaev MM. Folklore and decorative applied art: some aspects of interrelation. From congress to congress. Proceedings of the Second All Russian Congress of Folklorists. Collection of reports. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 2011:320–331.
50. Khalidov AB., Shikhsaidov AR. Manuscripts of al Ghazali's works in Dagestan. Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography. 2006; 2: 36–65.

Поступила в редакцию 27.06.2025

Принята в печать 02.08.2025

Опубликована 30.06.2026

Received 27.06.2025

Accepted 02.08.2025

Published 30.06.2026